

В.В. МУРЗИН-ГУНДОРОВ

ГЕРБ ПАТРИАРХА НИКОНА — СИМВОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

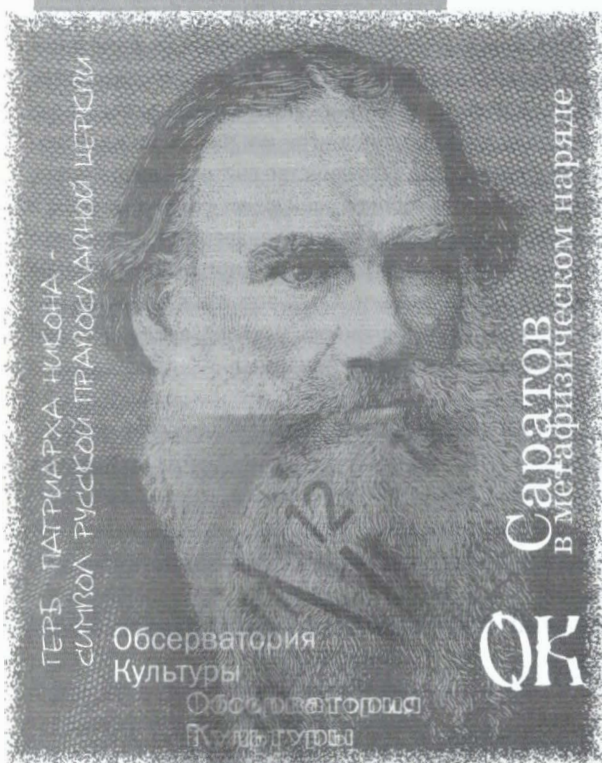
«...И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: сыны Израилевы должны каждый ставить стан свой при знамени своем, при знаках семейств своих; пред скинией собрания вокруг должны ставить стан свой».

Чис. 2, 1—2

Не о появлении ли первых эмблем говорят эти строки Библии. В истории России вторым, после двуглавого орла, знаком-символом стал герб патриарха Никона. Святейший Никон, «Божиею милостию Великий Господин и Государь, Архиепископ царствующаго великого града Москвы и всеа Великия и Малыя и Белья России и всеа Северныя страны и Помориа и многих государств Патриарх», был первым и единственным из русских первоиерархов, кто имел патриарший герб [1, с. 561, 574].

В России XVII столетия шло становление социально-политических государственных институтов. Для демонстрации суверенитета церкви как института независимого от государства и царя потребовался и патриарху свой индивидуальный знак-символ.

В европейской эмблематической культуре к середине XVII века подобные «новшества», характерные для России, давно стали визитной карточкой, которая отражала сущность предмета. Гербы высшего духовенства показывали их статус в церковной иерархии. На печатях аббатств и епископов церковные гербы встречаются с XII века. Их правила регламентирует церковная геральдика. Данная отрасль вспомогательной исторической дисциплины ге-

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

ральдики изучает историю церковных геральдических эмблем, геральдических обычаев, включая художественные качества церковных гербов, которые относятся к различным церковным учреждениям, земельным формированиям или принадлежат священнослужителям различного ранга. Практика церковной геральдики — это сфера создания и использования гербов, их разработки и применения, прав на гербы и прав обладания ими [2, р. 24; 3, р. 3].

Герб патриарха Никона исполнен в характерной манере эмблематики эпохи барокко. В его орнаментальности есть сходство с гербом Киевского митрополита Петра Могилы (1574—1647) [4, с. 70—72; 5, с. 22—36; 6, 156; 7, с. 87]. Учитывая контакты Патриарха с Киево-Могилянской академией, можно предположить, что при составлении патриаршего герба геральдическая символика митрополита могла быть использована в качестве наглядного образца эмблематики стиля эпохи. Эти гербы изначально различны по своей сути. Митрополит Петр — аристократ по происхождению, представитель княжеской династии, потомок венгерской княжны Маргариты и молдавского боярина Симеона Могилы. Святейший Патриарх Никон, напротив, происходил из крестьянской семьи [8, с. 21]. И в его гербе, в отличие от эмблем Могилы, генеалогическое прочтение не прослеживается. Поскольку у патриаршего герба совершенно иное, институциональное конфессионально-государственное, даже шире — святоромейское, эйкуменическое значение. В нем есть духовный подтекст той идеи, согласно которой государство должно строиться по принципам Горнего мира, где функция патриарха — приведение ко Христу своей паствы и защита ее от нестроений. «Патриарх есть, образ жив Христов» [8, с. 228 (л. 97)], он являет собой вещественно-духовный образ Христа.

Русское изобразительное искусство рубежа XVI—XVII веков и более раннего периода использовало для создания композиций в основном библейские образы, вкладывая в освященные преданием символы свое видение мира. Сложный для современного восприятия иносказательный язык русской символики отражает мировоззрение человека прошлого. Поэтому при трактовке знака-символа необходимо учитывать не только время создания изображения, но и исторические особенности мышления и ментальность личности той эпохи [9, с. 522]. Сознание человека вкладывает особый смысл и аллегория в вещественный предмет или явление. И даже самый тщательный анализ каждого из символов в отдельности и в совокупности с не менее значимыми другими компонентами композиции задает многоаспектность, что не исключает погрешности [10, с. 163], сохраняя элемент вероятности для будущих попыток расшифровки-интерпретации.

Литературный труд патриарха Никона «Рай мысленный», впервые напечатанный в типографии Иверского монастыря в 1658 г., открывается титульным листом, в центре которого изображена геральдическая эмблема, до настоящего времени не ставшая предметом специального рассмотрения и изучения под углом религиозно-философской и религиозноведческой точек зрения. По своей сути она являет образ Первосвященника. На это указывает, согласно

исихастской традиции понимания имени и святоотеческому пониманию образа, надпись над гербом:

*Егда печать сию вернии сматряем,
Велика Пастыря в сем уподобляем.*

Внизу, под эмблемой текст:

*Десницу Светильник Ключ Евангелие,
Образ Спасов Крест Жезл Венец Началие.*

Это не перечисление компонентов, а пояснение, являющееся основным ключом к блазонированию¹, толкованию и прочтению патриаршей эмблемы. По сторонам герба заглавные литеры — монограмма титула: «Никон Милостию Божией Великий Господин Святейший Архиепископ Московский и Всея Великия и Малыя и Белья России Патриарх». Он стоит шестым в диптихе первопрестольников Москвы. И вторым и последним из патриархов, кто был наделен не номинальным достоинством Великого Государя. Поэтому прочтение литеры «Г» возможно как *Государь*: «Яко ты будеши Государь Великий Царству Российскому; еже и сбьстся...» [8, с. 23; 1, с. 561].

«Все пути Господни милость и истина к хранящим завет Его и откровения Его» (Пс. 24, 10). И, очевидно, Святейший Патриарх с интересом относился к развитию геральдического искусства в России, несущего в себе элемент воцерковления, оживляющего знания из самой Боговдохновенной копилки человеческого опыта Библии, и в частности Псалтири, наиболее популярной и читаемой книги древности. Она предопределила появление огромного круга символов, имеющих, подчас, неоднозначное значение. В него входят, помимо изображений животных, атрибуты вооружения, священные предметы и символы. К выводу, что, помимо литературных произведений типа Шестоднева, специальных словарей, азбуковников и толковников, основным источником средневековой символики являются книги Ветхого Завета, давно пришли геральдисты. Никон мог быть и автором этого герба. Согласно его житию, он был талантливым иконописцем [8, с. 128], а труд изографа предусматривает знание иконописной символики. Не исключено, что цветовое решение герба Патриарха в его графическом изображении передано штриховкой — шрафировкой². Этот прием был и остается в многовековой геральдической традиции. Дошедшее до нас графическое изображение герба в течение трехсот пятидесяти лет казалось бесцветным. В геральдике цвета финифти, металлы и меха принято изображать не только краской, но и имитировать штриховкой. Прочтение цвета оживило его, и он, словно «жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвел, пустил почки, и принес миндали» (Числ. 17, 8), утверждая славу Святителя, — «и кого Я изберу, того жезл расцветет» (Числ. 17, 5).

Нет источников, позволяющих утверждать, что патриарх Никон пользовался западноевропейскими книж-

¹ Блазонирование — описание герба. — *Примеч. ред.*

² Шрафировка — передача объема предмета линиями, которые образуют сетку. — *Примеч. ред.*

ными источниками по истолкованию символики³. Поэтому можно предполагать, что он обращался непосредственно к первоисточнику — Священному Писанию. Поэтому переданные в иносказательной форме посредством зримых метафор символы не просто очевидны, они продолжают быть актуальны. В патриаршем гербе выражена идея сознания мистической взаимосвязи земного, человеческого обустройства жизни и уподобления его высшему — Небесному идеалу.

Главная часть герба — щит, в утилитарном значении защитное вооружение, прикрывающее тело воина. Согласно истории, он использовался с каменного века. И Псалтирь неоднократно упоминает его на своих страницах: «Господь — крепость моя и щит мой» (Пс. 27, 7); «... щит мой в Боге, спасающих правых сердцем» (Пс. 7, 11); «... щит и ограждение — истина Его» (Пс. 90, 4).

Рисунок патриаршего герба представляет собой четверочастно разделенный на поля щит⁴, обрамленный фигурным картушем, дает образ креста в виде якоря. Верхняя часть представлена малым картушем с двумя прорезанными прямоугольными отверстиями, на него сверху опирается Образ Спасителя Нерукотворного на чрепии. Основанием крест уходит в сложный орнамент, напоминающий изразцовый, иконографию «павлинье око», якорное грузило. Якоробразный крест символизирует Спасителя, который есть и Церковь, оказывается собственно поверх щита, задавая тем самым четыре поля, в которых помещаются знаки-образы архипастырского служения.

В первом поле изображена книга «Евангелие» — свет Христов, просвещение мира Христовым словом. Иисус Христос прямо требовал от своих последователей: «Приблизься Царствие Божие: покайтесь и веруйте во Евангелие» (Мк. 1, 15), «аще не покается <...> погибнет» (Лк. 13, 3). Изображение Евангелия для патриаршего герба — герба Церкви — весьма символично, так как Спаситель, посылая на проповедь Своих учеников, сказал им: «Шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет» (Мк. 16, 15—16). Так учили о вере и апостолы, чьим преемником стал патриарх Никон. На лицевой стороне обложки Евангелия пять медальонов, символизирующих Христа Спасителя и четырех евангелистов; на корешке переплета — три насечки; на продольном обрезе — две пряжки-закрепы.

Во втором поле щита изображена «Божья десница», преподающая миру имяславное благословение. Благословляющая рука, подъятая вверх с двумя благословляющими и прочими согбенными перстами, означает верность, присягу, сохранение клятвы [11]. Псалтирь многократно упоминает этот элемент на своих страницах: (Пс. 9, 33;

Пс. 8, 4; Пс. 88, 14). Десница в имяславном благословении олицетворяет Самого Господа Иисуса Христа. В ней — Его благословение, преподаваемое человечеству «со святых небес Своих могуществом спасающей десницы Своей» (Пс. 19, 7), которое исходит от Него через Церковь и ее служителя.

В третьем поле щита — «ключ» в столб, эмблема известная со времен античности. В Средневековье «ключ» символизировал безопасность, в геральдике олицетворял власть и могущество. В Евангелии он — «ключ разумения» (Лк. 11, 52), от врат Церкви — знак охранения ее Таинств. Изображение ключа представлено бороздкой не вниз, а вверх, что указывает на ключ не от земных дверей — им открывают врата «Небесные». Бороздка — резьба ключа направлена в правую сторону, и на ней в центре помещен прорезной греческий крест, по сторонам которого изображены шесть квадратных нарезок.

В четвертом поле щита помещен с язычками пламени зажженный пятирожковый «светильник» — свет миру и учительство. Он стоит на двух витых ножках. Его можно истолковать так: ножки — подножие светильника — могут символизировать то, на чем зиждется Церковь Христова. Ее фундамент — Сам Иисус Христос и Его Благовестие, которое Его-наша единая святая соборная и апостольская Церковь бережно хранит. Она изначально заботилась о том, чтобы иметь наиболее достоверный текст Священного Писания, а с помощью Священного Предания охранять его от извращенных толкований «невежд и неутвержденных» (2 Пет. 3, 16). Горящий пятиглавый светильник в образной метафоре представляет аллегория архиерейского — небесного на земле служения литургии. Где Сам Сын Божий невидимо соединяет в руках Святого свещники — трикирий и дикирий с тремя и двумя в них свечами — во знамение Пресвятой Троицы и двух естеств в Спасителе — Божественного и Человеческого, которыми архипастырь осеняет народ на запад, на север и на полдень (юг). Церковь видит в этом не только двоякий свет дикирия, являющего знамение двоякой природы Христовой — Божественной и Человеческой, но и спасительную цель его воплощения — Крест. Когда же архиерей возвращается в алтарь, но уже не только к Престолу, но и далее — к востоку на Горнее место, изображая Христово Вознесение и сидение одесную Бога-Отца, он берет трикирий, и из этой более глубокой внутренней части святилища еще раз осеняет всех Троическим Светом Божества, Живущего во Свете Неприступном: «Глас Господа высекает пламень огня» (2 Пет. 3, 16); «Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою» (Пс. 17, 29).

Иное толкование: земное служение Небесному. Зажженный светильник олицетворяет Церковь Христову, поскольку «Церковь — тело Его» (Кол. 1, 21), — говорит апостол. Пятиглавый (пятирожковый) светильник — сама единая святая соборная и апостольская Церковь, представляющая как единый организм. Пять глав аллегорически представляют пять патриарших престолов: Иерусалимский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Московский. Именно Церковь, осененная гласом Господа, несет пламень веры, свидетельство Истины. Церковь стала

³ Западноевропейские эмблематические справочники XVI—XVII вв., известные в XVII в. в России: *Alciato A. Emblemata.* — P., 1618; *Ripa C. Iconologie.* — P., 1677; *Camerarius J. Symbolorum et emblematum.* — Nürnberg, 1597; *Saavedra F. Idea Principis Christiano-Politici 101 simbolis.* — Amsterdam, 1659; *Petrus Sancta S. Symbola Heroica.* — Antverpian, 1634.

⁴ Скрижаль. — М., 1656.

тем возженным Свотильником, дабы просвещать тму неве- рия и нести свет миру: «во свете Твоем мы видим свет» (Пс. 35, 10). Две витые ножки есть принцип идеального мироу- строения — «Священства и Царства», «Премудрой двоицы» как основы для устройства на земле дела Христова.

Правый ангел-щитодержатель кистью правой руки держит диск-зерцало, с начертанием «ПАТРИАРХ». Левоу рукой он удерживает трилистный крест — «Крест святого Фомы». В геральдике различается свыше двухсот разно- видностей креста. Трилистный (нем. Kleeblattkreuz), или «лилиевидный крест», иначе — «крест святого Фомы», по имени одного из двенадцати апостолов, принесшего свет евангельского учения в Парфию и Индию. Святой Фома стоял во главе парфийской группы апостолов, согласно преданию, восходящему ко времени Ефрема Сирина, он проповедовал и в городе Эдессе откуда ведет свою историю иконография Нерукотворного образа Спаса на чрепии.

В гербе Патриарха неоднократно присутствует зри- мый символический подтекст аллегории, связанный с именем апостола Фомы. Житийный образ Святителя и образ Христова ученика Фомы имеют ряд аналогий. И тот, и другой постигали сущность предмета через свой личный опыт мировосприятия. Атрибутом святого Фомы также считается угломер — знак храмоустроительства. По церковному преданию, это связано с его намерением построить в Индии храм. Изображение креста апостола Индии святого Фомы [12; 13, с. 282, 291] встречается на колониальных португальских монетах в Гоа. Патриарх Нико- н — единственный из русских иерархов, удостоенный имени храмоздателя. На одной из его панагий с тыльной стороны есть изображение лилиевидного равноконечного процветшего креста святого Фомы [14, с. 57—60].

Случайным ли стал выбор Святейшего, поместившего на щит своего герба греческий крест, тождественный гераль- дическому кресту византийской императорской династии Палеолог? Скорее всего, нет. Поскольку имя отца той, кто принесла на Русь священные регалии православных цеза- рей, тоже Фома. Язык символики предусматривает подобные аналогии. Русской истории известен ряд примеров, когда об- раз небесного покровителя реально существовавшего лица становился символом города, княжества и даже государства. Так, в гербе города Москвы святой Георгий Победоносец связал имя основателя князя Юрия Владимировича Долго- рукого с геральдической эмблемой государства [15, с. 240]. Таким образом, можно предполагать, что трилистный крест святого апостола Фомы отражает идею «просветительского зодчества» Святейшего, которая как ни у какого другого Святителя Церкви Христовой была выражена в деятельности Патриарха Никона. Так, в его Иверском Валдайском, Крес- том Кий-островском, Воскресенском Нового Иерусалима монастырях, а также в рукотворном патриаршем оустрове на озере Ферапонтова монастыря.

Левый ангел-щитодержатель правой рукой удержи- вает жезл-посох — символ духовной власти того, кто им обладает. У Ангела он — символ небесного вестничества, посланничества. Такая трактовка свойственна символике вещей в иконографии [16, с. 37].

В правой руке ангела — диск-зерцало с начертанием «НИКОН». В качестве щитодержателей выступают силы небесные, что не только подчеркивает принадлежность герба духовному лицу, но и указывает, что изрекаемая первоиерархом воля о пасении стада церковного есть воля Божественная, поскольку «Патриарх — образ жив Христоу». Свидетельством тому является не только Крест спасения и Жезл духовного пасения — власти, но сам источник власти — Христос, Он и Спаситель, и Священник, и Царь царей, его лик предстает в Нерукотворном образе Спаса на чрепии. Он соединен с венцом митрой-короной, которая символизирует Бога-Саваофа. Жезл и крест на гер- бе сцеплены с митрой вервями и удерживаются Ангелами, которые не могут видеть Божью славу, но созерцают Его волю в дисках-зерцалах. В них отображается Божья воля. На них надписано имя — «Патриарх Никон», подчеркивая, что воля Божья в воинствующей земной Церкви возвещает- ся Патриархом. Напомним здесь слова, сказанные Ни- коном при его поставлении на Патриаршество, и ответные слова-клятвы от Царя, синклита и всей паствы — всего об- щества и государства: «... во всем слушать и повиноваться Патриарху яко отцу духовному, что буду возвещать в делах пасения, и не вступатися в дела Церкви...» [8, с. 129].

Щит герба предстоятеля Русской Православной Цер- кви увенчан «Венцом Началия», иначе митрой-короной — «Ты возложил на него честь и величие» (Пс. 20, 6). Ниж- няя часть митры соответствует изображениям венцов библейских ветхозаветных царей и других лиц того же достоинства, изображаемых на отечественных иконах. Здесь могли иметь место и заимствования из западных источников. В Европе к XVI веку уже сложилась система геральдических корон, соответствующих рангу и титу- лу носителя, как было отмечено выше. «Шапка — знак свободы и независимости, с двумя лентами или кистями, вниз висящими, означает достоинство жрецов и пер- восвященников» [11, гл. 1]. Исторические корни венца уходят в далекое дохристианское прошлое. У древних народов каждый языческий божок имел свой особый венец. Существовало более 26 разновидностей подобного священного головного убора. Их не только сплетали из листьев, ветвей, цветов и плодов различных растений, но и выполняли из золота с использованием драгоценных камней.

Согласно И.А. Шляпкину: «... митры его имеют вид то тиары, то западной короны», поэтому одним из источ- ников при создании «Венца Началия» могла быть ранняя папская тиара [17, с. 64]. В древности она представляла высокий конусообразный головной убор ассирийских и персидских царей. До разделения Церкви в 1054 г. на Восточную католическую и Западную католическую тиара пап была шапкой из белого сукна. В XII в. ее до- полнили обручем — образом тернового венца Спасителя. Герб Папы Римского венчает тиара, а у архиепископов и епископов гербы украшаются митрами. На гербы священ- ников более низкого ранга помещаются, в соответствии с их статусом, особые шляпы разных цветов, снабженные разноцветными шнурами и кистями [18, С. 208—209].

«Венец Началия» патриарха Никона — это шлемовидная митра⁵, увенчанная равносторонним четырехконечным крестом с жемчужинами на концах. Митра препоясана крестом, видна лишь вертикальная лента. На вертикальной перевязи три жемчужины. Всего их двенадцать, что символизирует апостолов. В каждой из четвертей венца-митры помещено по малому зеркалу. В фас видно два, означающих Богородицу и Иоанна Предтечу и образующих деисус. В нижней части «Венца Началия» «в основании митры первосвятителя видим корону», которая представляет собой обод с пятью однородными трилистниками, два крайних изображены в профиль, поэтому видны только два листка. Подобная корона в западноевропейской геральдике была принадлежностью герцогов — не принцев по крови [19, с. 53]. На кончиках листов трилистника, расположенного в центре, и двух крайних трилистников помещено по одной жемчужине. Из-под обруча митры — образа тернового венца нисходит цепь, символизируя «Бог возлагает на нас бремя, но Он же спасает нас» (Пс. 67, 20). Цепь состоит из шести звеньев, на ней держится квадратная панагия, что значит «Всесвятая», — наперсный знак лица архиерейского достоинства. В данном случае тип ее иконографического изображения — это образ Спаса Нерукотворного на чрепии — «... я в правде буду взирать на лице Твое; пробудившись, буду насыщаться образом Твоим» (Пс. 16, 15); «Сердце мое говорит от Тебя: “ищите лица Моего”» (Пс. 26, 8); «Ты положил беззакония наши пред Тобою и тайное наше пред светом лица Твоего» (Пс. 89, 8).

С боковых сторон нижней части «Венца Началия», справа и слева «... из потока сладостей Твоих Ты напояешь их, ибо у Тебя источник жизни» (Пс. 35, 9—10) исходят ленты, плавно переходящие в шнуры с кистями на окончаниях, оплетением удерживая крест и жезл, в которых «правосудие и правота — основание престола Твоего» (Пс. 86, 6).

Щит герба размещен на скрещенных кресте и посохе. Крест трилистный и опоясан правым шнуром. Он оканчивается заостренным концом наподобие пики. Здесь крест выступает в качестве реального духовного оружия — меча Божьего, которым Господь победил дьявола и смерть.

Жезл с VI в. стал символом архиерейской власти. Он опоясан левым шнуром и оканчивается заостренным концом (*stimulus*). Жезл и крест завершаются одинаково, символизируя свое прямое назначение — «... если нарушат уставы Мои и повелений Моих не сохраняют: посещу жезлом беззаконие их, и ударами — неправду их; милости же моей не отниму» (Пс. 88, 33—34).

Жезл на гербе патриарха имеет наверху поперечную перекладину, со сплетенными змеиными головами, обращенными одна к другой, знаменуя мудрость пастырской власти. Перекладина декорирована десятью жемчужинами. Помещенный на гербе жезл введен в Русской Православной Церкви при патриархе Никоне. И напоминает о

его духовной власти, дарованной Богом для пасения верных чад воинствующей Церкви во имя и славу Господню.

В качестве щитодержателей предстают в поясном изображении два ангела [20, с. 222, 223; 15, с. 24—26], выходящие из-под орнаментальных украшений по сторонам гербового щита. Поскольку геральдическая эмблема связана с главой Церкви, помещение на гербе образов бесплотных ликов оправдано: «Не много Ты умалил его пред Ангелами: Славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его» (Пс. 8, 6—7). На гербе ангелы представлены с распростертыми крыльями, символизируя изъявление скорого ими исполнения Божьих повелений.

Барочный намет — выходящие из шлема украшения, располагаемые по сторонам щита — обрамляет герб, декорированный растительным убранством. Намет ведет свое происхождение от ткани, которой рыцарь средневековья покрывал свой шлем, чтобы предохраняться от непогоды и палящих лучей солнца.

Клейнодная часть герба знаковыми символами «Образа Спаса, Креста, Жезла, Венца Началия» олицетворяет, прежде всего, Законоучителя и Законодателя — Господа, а уж потом и самого патриарха, представляя служение Святителя миру Небесному и миру дольнему. Ведь предстоятель Церкви — духовный пастырь, отец народу, ответственный пред Господом за сохранение вверенного ему стада.

«Образ Спасов, Крест, Жезл, Венец Началия», или и жезл, и крест, и митра, и панагия, можно понимать как «Иисус преславный патриархом величание»⁶, поскольку крест, панагия и митра возлагаются на архиерея при совершении им Божественной литургии архиерейским чином. В Ветхом Завете образ Великого Архиерея предстает в первосвященнике Мелхиседеке (Пс. 109, 4; Быт. 14, 18), в Новом Завете — Господе Иисусе Христе (Евр. 5, 5, 6; 7, 15, 16 21, 22, 24—28; 9, 11, 15, 24, 28).

Жезл — символ духовной власти и силы: «жезл правоты — жезл царства Твоего» (Пс. 44, 7), он же посох или патерисса — знак высшей пастырской власти. Происхождение его исторической символики восходит к Ветхому Завету и к первым письменным источникам христианства (1 Кор. 4, 21.). Жезл Ааронов (Числ. 17, 1—4 и Мих. 7, 14) был одной из священных принадлежностей скинии. Древнейшие христианские изображения доносят до нас образ Спасителя под видом Доброго Пастыря с жезлом в руке [21, с. 106].

Очевидно, что, помимо самой титулатуры Патриарху Никону был необходим не только вербальный знак, но и символ, ее выражающий. Государственные печати этого и более ранних периодов русской истории уже несли в себе схожие знаки-символы. К этому времени Церковь приобрела значительное могущество, сделавшись в известном смысле государством в государстве [22, с. 156—168]. Благодаря особому статусу правителя, которое имел его предшественник патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоровича. При политике прочного союза Алтаря и

⁵ Митра (от греч. *mitra* — головная повязка) в Православной и Католической церквях — позолоченный и украшенный религиозными эмблемами головной убор, надеваемый при полном облачении преимущественно на время богослужения представителями высшего духовенства. — *Примеч. авт.*

⁶ Символика изображений из священных книг — изображения из акафиста Иисусу Сладчайшему [16, с. 38].

Трона — «симфония» Церкви и Государства потребовалось теоретическое обоснование для положения самостоятельной и независимой от государства церкви. Мысль, проверенная историческим опытом, пришла из древнего византийского права и канонического и святоотеческого наследия [8, с. 197—463, 946—1011; 23, Т. 1, с. 5—31, Т. 2, с. 333—379, Т. 3, с. 358—365]. Идея Святейшего Никона состояла в том, чтобы на деле осуществлять «формулу» живого единства священства и царства: «Священник есть освящение и укрепление царской власти, а царская власть есть сила и поддержка священства...» [24, с. 5—7], посредством справедливых законов управляющая миром дольним. При составлении герба цель патриарха состояла в утверждении Церкви и ее главы в глазах православного и инославного мира. Памятуя о Ромейском политическом и святоотеческом наследии, следствием которого стало образование Третьего Рима на канонической территории Русской Православной Церкви. И он попытался сформулировать и выразить графическими средствами достоинство и честь первоиерарха как «образа жива Христа» в системе общественно—государственных, даже шире — межгосударственных отношений в период их активного развития. Для этого потребовался соответствующий официальный знаково-символьный эквивалент выражения чести и достоинства, присущий лицу, представляющему русское православие. В этом и состоял смысл употребления Первоиерархом герба как символа суверенитета Церкви и ее независимости от власти предрежущей и государственно-политических образований.

В дальнейшем ходе церковно-гражданской жизни и в силу известных исторических обстоятельств до настоящего времени эмблема не нашла адекватного понимания и применения. Богу было угодно верить истины веры для хранения, сбережения и приумножения разным народам. И в последние несколько столетий это стало венцом служения русского православия и Русской церкви. Одним из тех, кто достойно пронес столь великое бремя, был Святейший Патриарх Никон, оставивший в назидание истории патриарший герб — символ сильной, независимой и самостоятельной Церкви. В этом смысле геральдическая эмблема — это закономерный продукт времени, явившийся в своем воплощении символом Православной церкви в мире дольнем и отличительным институциональным знаком в системе церковно-государственного взаимодействия.

Список литературы

1. Толстой М.В. История Русской Церкви. — М., 1951.
2. d'Aspre J.-B. La methode du blazon. — P., 1976.
3. Mandich D.R., Placek J.A. Russian heraldry and nobility. — Florida, 1992.
4. Зиборов В.К., Лобачев С.В. Алексей Михайлович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 3: XVII век. Ч.1. — СПб., 1992.
5. Лобачев С.В. Новгородский период деятельности Патриарха Никона // Материалы науч. конференции «История православия в России: люди, факты, источники». — СПб., 1995.
6. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Грекороссийской церкви. — СПб., 1827. — Т. 2.
7. Батюшков П.Н. Подолля: Историческое описание. — СПб., 1891.
8. Патриарх Никон. Труды / Научн. исслед., подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. — М., 2004.
9. Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь) / С.С. Аверинцев и др. — М., 2000.
10. Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. — М., 1981.
11. Гаттерер И.Х. Начертание гербоведения. — СПб., 1805.
12. Никольский Благовест. — 2004. — 24 окт. — № 29 (234).
13. Фенглер Х., Гирю Г., Унгер В.М. Словарь нумизмата. — М., 1982.
14. Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». — М., 2002.
15. История родов русского дворянства / Сост. П.Н. Петров. — М., 1991 (по изд. СПб., 1886). — Т. I — С. 240.
16. Будур Н. В. Русские иконы — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
17. Шляпки И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). — СПб., 1891.
18. Vuber M. Heraldika: Albatros. — Praha, 1986.
19. Лукомский В.К. Родословная герба // Родина. — 1991. — № 9—10.
20. Дворянские роды Российской империи. The families of the nobility of the Russian empire: [В 10 т. / Науч. ред. С. В. Думин]. — СПб., 1993 — Ликоинвест, 1996. — Т. 3. — СПб., 1996.
21. Дмитриева Н.А. Краткая история искусств: От древнейших времен по XVI век: Очерки. Вып. 1. — М., 1985.
22. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. 3 т. — М., 1994. — Т. 2. Ч. 1.
23. Зызыкин М.В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи: В 3-х т. — Варшава, 1931—1938.
24. Хвалин А. Восстановление монархии в России. — М., 1993.